

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Символический интеракционизм

Глава 3. Теория современного социального общества: основные школы

Символический интеракционизм предлагает широкий спектр важных и интересных идей. С этим направлением связаны имена целого ряда крупных мыслителей, как Джордж Герберт Мид, Чарльз Хортон Кули, У. И. Томас, Герберт Блумер и Ирвинг Гофман. Наше рассмотрение символического интеракционизма мы начинаем с творчества Мида. Важнейшими интеллектуальными источниками символического интеракционизма в целом и творчества Мида в частности являются философия прагматизма и психологический бихевиоризм.

Прагматизм — многообразное философское направление, в котором можно выделить несколько аспектов, повлиявших на развитие социологической ориентации Мида.

1. Для прагматистов истинная реальность не существует «вовне», в реальном мире; она «активно создается, когда мы действуем в мире и по направлению к нему».

2. Люди запоминают и основывают свое знание о мире на том, что оказалось для них полезным. Скорее всего, они изменяют то, что больше не «работает».

3. Люди определяют существующие социальные и материальные «объекты» в соответствии с пользой, которую те имеют для людей.

4. Наконец, если мы хотим понять конкретного человека, мы должны основывать это понимание на том, что он реально делает в мире.

Для символического интеракционизма существенны три момента:

1. Упор на взаимодействии между актором и миром.

2. Актор и мир представляют собой динамические процессы, а не статичные структуры.

3. Придание огромной важности способности актора интерпретировать социальный мир.

Последний момент наиболее выражен в творчестве философа-прагматиста Джона Дьюи. Он понимал разум не как предмет или структуру, а скорее как процесс мышления, состоящий из ряда этапов. В них входит:

- определение объектов социального мира;
- представление возможных способов поведения;
- прогнозирование последствий альтернативных действий;
- исключение маловероятных возможностей;
- выбор оптимального способа действия.

Это внимание к мыслительному процессу очень сильно повлияло на развитие символического интеракционизма.

Дэвид Льюис и Ричард Смит утверждают, что Дьюи повлиял на развитие символического интеракционизма больше, чем Мид. Они даже говорят, что «творчество Мида находилось на периферии основного направления ранней чикагской социологии. Выдвигая этот аргумент, они различали два направления прагматизма: «философский реализм», связанный с Мидом и «номиналистический прагматизм», связанный с Дьюи и Джеймсом. Они считали, что на символический интеракционизм оказал большее влияние номиналистический подход, а с философским реализмом он даже не согласовывался. Согласно номиналистической позиции, хотя явления макроуровня существуют, они не имеют «независимого и определяющего влияния на сознание и поведение индивидов». Иначе говоря, этот подход «понимает самих индивидов как экзистенциально свободных акторов, которые принимают, отвергают, изменяют или иным образом определяют коллективные нормы, роли, верования и т. д., согласно своим собственным личным интересам и планам на определенный момент». Социальные реалисты, напротив, делают упор на обществе и на том, как оно образует и контролирует мыслительные процессы индивидов. Не будучи свободными, поведение акторов и степень их осведомленности о происходящих событиях держатся под контролем более крупной общности.

Учитывая это различие, можно понять, почему он не примыкал в достаточной степени к номиналистическому направлению символического интеракционизма. Поэтому Мида чаще относят к лагерю реалистов.

Ключевой фигурой последнего течения был Герберт Блумер, которого, хотя он сам заявлял об использовании мидовского подхода, фактически лучше рассматривать как номиналиста.

Льюис и Смит с теоретической точки зрения ухватили суть их различий:

Блумер... целиком двигался к психическому интеракционизму.... В отличие от социального бихевиориста мидовского толка, психический интеракционист считает, что значения символов не универсальны и объективны; значения скорее индивидуальны и субъективны, будучи «приписываемы» символам получателем в соответствии с тем, как он решит их «интерпретировать».

Бихевиоризм

Интерпретацию творчества Мида, предложенную Льюисом и Смитом, подкрепляет тот факт, что на Миде оказал влияние психологический бихевиоризм, подход, который также привел его к реалистическому и эмпирическому направлению. Сам Мид основным своим подходом называл социальный бихевиоризм, чтобы отличать его от радикального бихевиоризма Джона Б. Уотсона, который был одним из студентов Миде.

Радикальные бихевиористы уотсоновских убеждений интересовались наблюдаемым поведением индивидов. Они фокусировались на стимулах, которые вызывают рассматриваемые реакции, или поведение. Они либо отрицали, либо не желали придавать большого значения скрытым мыслительным процессам, происходящим в промежутке между моментом применения стимула и проявления реакции.

Мид признавал важность наблюдаемого поведения, но он также считал, что существуют скрытые аспекты поведения, не учитывавшиеся радикальными бихевиористами. Однако принимая базовый для бихевиоризма-эмпиризм, Мид не хотел просто философствовать об этих скрытых явлениях. Он стремился расширить эмпирическую науку бихевиоризма применительно к указанным явлениям, т. е. к тому, что происходит между стимулом и реакцией. Бернард Мельтцер обобщил позицию Миде.

Для Миде единицей исследования является «действие», содержащее как явные, так и скрытые аспекты человеческого поведения. В действии обнаруживаются все отдельные категории традиционной, ортодоксальной психологии. Внимание, восприятие, воображение, рассуждение, эмоция и т. д. рассматриваются как элементы действия. Таким образом, действие включает целостный процесс человеческой деятельности.

Мид и радикальные бихевиористы также различались по своим воззрениям на соотношение между поведением людей и животных. Тогда как радикальные бихевиористы не были склонны усматривать различия между людьми и животными, Мид утверждал, что существует значительная, качественная разница. Ключевым моментом здесь считалось наличие у человека умственных способностей, позволяющих людям использовать между стимулом и реакцией язык, для того, чтобы решить как реагировать. Мид одновременно был и обязан уотсоновскому бихевиоризму, и отмежевывался от него.

С одной стороны, Мид сказал, что «мы будем подходить к этой области социальной психологии с точки зрения бихевиоризма». С другой стороны, Мид критиковал позицию Уотсона, когда говорил: «бихевиоризм, который мы будем использовать, более адекватен, чем используемый Уотсоном».

Чарльз Моррис в своем введении к книге «Разум, самость и общество» перечислил три основных отличия Миде от Уотсона.

1. Мид считал исключительное внимание Уотсона к поведению чересчур упрощенным. Действительно, он обвинял Уотсона в выхватывании поведения из его более широкого социального контекста. Мид стремился рассматривать поведение как элемент обширного социального мира.

2. Мид обвинял Уотсона в нежелании применять бихевиоризм к мыслительным процессам. Уотсон не имел представления о сознании и ментальных процессах актора, в отличие от Миде: «Отношение Джона Б. Уотсона было таким же, как у Королевы в Алисе в стране чудес – «Головы им долой!» – не было подобных вещей. Не существовало... сознания».

Мид противопоставил свою позицию уотсоновской: «Она бихевиористична, но, в отличие от уотсоновского бихевиоризма, учитывает элементы действия, не обнаруживаемые внешним наблюдением». Мид видел свою миссию в расширении принципов уотсоновского бихевиоризма для включения мыслительных процессов. Наконец, поскольку Уотсон отрицал мышление, Мид считал его понимание актора пассивным образом марионетки. С другой стороны, Мид предпочитал более динамичный и творческий образ актора, и именно это сделало его теорию привлекательной для более поздних символических интеракционистов.

Прагматизм и бихевиоризм, особенно в теориях Дьюи и Мида, преподавались многим выпускникам Чикагского университета, главным образом в 1920-х гг. Эти студенты, в числе которых был Герберт Блумер, основали символический интеракционизм. Конечно, другие значительные теоретики тоже оказали на них влияние. Наиболее известным из этих мыслителей был Георг Зиммель. Интерес Зиммеля к формам действия и взаимодействия был совместным с теорией Мида и явился ее развитием.

Между редукционизмом и социологизмом

В 1937 г. Блумер ввел термин «символический интеракционизм» и написал несколько существенных для его развития статей. Если Мид стремился разграничить зарождавшийся символический интеракционизм и бихевиоризм, то Блумер считал, что символический интеракционизм работает на обоих фронтах. Первым направлением был редукционистский бихевиоризм, вызывавший неприятие Мида. К этому прибавлялась серьезная угроза со стороны «больших» «социологистских» теорий, особенно структурного функционализма.

По мнению Блумера, и бихевиоризм, и структурный функционализм имели тенденцию к фокусированию на факторах. Например, внешних стимулах и нормах, влияющих на человеческое поведение. Блумер полагал, что обе теории пренебрегают важнейшим процессом, с помощью которого действующие субъекты придают значение действующим на них силам и своему собственному поведению.

С точки зрения Блумера, бихевиористы с их акцентом на подверженность поведения индивида влиянию внешних стимулов были психологическими редукционистами. Помимо бихевиоризма, Блумера занимали некоторые другие виды психологического редукционизма. Например, он критиковал тех, кто стремится объяснить человеческое действие, полагаясь на общепринятые понятия концепции «установки». По его мнению, большинство использующих эту концепцию понимают установку как «уже организованную тенденцию» актора; они склонны считать, что действия побуждаются установками. Блумер полагает, что это чересчур механистическое понимание; важна не установка как интернализованная тенденция, «а определяющий процесс, с помощью которого актер принимает решение в пользу того или иного действия».

Блумер также подверг критике тех, кто рассматривает осознанные и бессознательные мотивы. Особенно его раздражало их убеждение, что на акторов воздействуют независимые мыслительные импульсы, которые они, как предполагается, не могут контролировать. Теория Фрейда, рассматривающая принуждение акторов такими силами, как «оно» или либидо, — пример такого рода психологических теорий, против которых выступал Блумер. Последний также был против любой психологической теории, не принимающей во внимание процесс формирования акторами значений — того факта, что актеры — это личности и обращаются к самим себе. Общая критика Блумера была сходна с Мидовской, но он вывел ее за пределы бихевиоризма, учитывая и другие формы психологического редукционизма.

Блумер также критиковал «социологические» теории (особенно структурный функционализм), согласно которым поведение индивида определяется крупномасштабными внешними силами. В данную категорию он включил теории, которые фокусируются на таких социально-структурных и социально-культурных факторах, как «социальная система, социальная структура, культура, статусная позиция, социальная роль, обычай, институт, коллективное представление, социальная ситуация, социальная норма и ценности». Как «социологические», так и психологические теории не учитывают важности значения и социального конструирования реальности.

Воззрения Джорджа Герберта Мида

Мид — самый значительный мыслитель в истории символического интеракционизма, а его книга «Разум, самость и общество» — важнейшее произведение в русле данной традиции.

В своем обзоре книги «Разум, самость и общество» Элсвот Фэрис утверждал, что «вероятно, Мид отдавал предпочтение, не возникновению разума и затем общества, но в первую очередь общества, а затем разума». Произведенная Фэрисом перестановка в заглавии книги отражает широко признанный факт, осознаваемый самим Мидом, что обществу, или, более широко, всему социальному, в мидовском анализе отдается приоритет. Мид считает, что традиционная социальная психология в попытке объяснить социальный опыт шла от психологии индивида; сам же Мид, напротив, в понимании социологического опыта всегда считает приоритетным мир социальный. Он объясняет свой подход так:

«В социальной психологии мы не выстраиваем поведение социальной группы с точки зрения поведения отдельных составляющих ее индивидов; напротив, наша отправная точка — заданное социальное целое сложной групповой деятельности, в которой мы анализируем (в качестве элементов) поведение каждого из составляющих ее индивидов в отдельности. То есть мы пытаемся объяснить поведение социальной группы, а не рассматривать организованное поведение социальной группы с точки зрения поведения отдельных принадлежащих к ней индивидов. Для социальной психологии целое (общество) предшествует части (индивиду), а не часть целому; и часть объясняется с точки зрения целого, а не целое с точки зрения части или частей».

Для Мида социальное целое предшествует индивидуальному разуму как логически, так и во времени. Мыслящий обладающий самосознанием индивид, как мы увидим далее, логически невозможен в теории Мида без первичности социальной группы. Сначала идет социальная группа, и она приводит к развитию мыслительных процессов самосознания.

Действие

Мид рассматривает действие в качестве самой «примитивной единицы» своей теории. В своем анализе действия Мид близко подходит к бихевиористскому подходу и фокусируется на стимуле и реакции. Однако даже здесь стимул не вызывает бездумной автоматической реакции человека. Как говорит Мид, «мы понимаем стимул как повод или возможность для поступка, а не как принуждение или наказ». Он выделял четыре основные взаимосвязанные ступени действия. Именно они образуют органичное целое, другими словами, они диалектически взаимосвязаны. Действуют и низшие животные, и люди. Мида интересуют сходства и особенно различия между ними.

Первая стадия — стадия импульса, которая включает «непосредственный чувственный стимул» и реакцию актора на это побуждение, потребность сделать что-либо в этом отношении. Хороший пример импульса дает голод. Актор (человек или не человек) может немедленно и, не раздумывая, отреагировать на импульс, но, вероятнее, человек подумает о подобающей реакции (например есть сейчас или позже). Обдумывая реакцию, человек будет учитывать не только непосредственно ситуацию, но также прошлый опыт и ожидаемые результаты действия. Голод может возникнуть из внутреннего состояния актора или может быть вызван присутствием во внешней среде пищи или, что наиболее вероятно, может проистекать из некоторой комбинации обоих факторов. Кроме того, голодный человек должен найти способ удовлетворить импульс во внешней среде, где пища может быть недоступна в данный момент или в недостаточном количестве. Этот импульс, как все прочие, может быть связан с некой проблемой во внешней среде (т. е. отсутствием непосредственно доступной пищи), которую должен разрешить актор. Действительно, в то время как импульс, например голод, может главным образом проистекать от индивида (хотя даже здесь голод может быть вызван внешним стимулом, ведь существуют также социальные установки того, когда надлежит быть голодным), он обычно связан с существованием какой-либо сложности во внешней среде (например недостаток пищи). В целом, импульс, как и все прочие элементы теории Мида, включает и актора, и внешнюю среду.

Вторая стадия поступка — восприятие, с помощью которого актер ищет и реагирует на стимулы, связанные с импульсом, в данном случае с голодом, а также определяет доступные способы его удовлетворения. Люди обладают способностью ощущать или воспринимать стимулы с помощью слуха, обоняния, вкуса и т. д. Восприятие включает поступающие стимулы, а также порождаемые ими в уме образы. Люди не просто немедленно реагируют на внешние стимулы, но скорее обдумывают и оценивают их с помощью мысленных образов. Люди не просто подвергаются внешним стимулам; они активно отбирают свойства стимула и производят выбор из набора стимулов. Таким образом, у стимула может быть несколько измерений, и у актора есть возможность из них выбирать. Кроме того, люди обычно сталкиваются с множеством различных стимулов и постоянно выбирают, какому уделить внимание, а каким пренебречь. Мид отвергает отделение людей от воспринимаемых ими объектов. Именно акт восприятия объекта делает его объектом для человека; восприятие и объект не могут быть отделены друг от друга (они диалектически взаимосвязаны).

Третья фаза — манипуляция. Следующий шаг после того, как импульс обнаружен, а объект воспринят, состоит в том, что актер манипулирует объектом или, в более широком смысле, предпринимает в отношении его определенные действия. Помимо мыслительного превосходства люди обладают еще одним преимуществом. У людей есть руки, позволяющие им обращаться с предметами гораздо более ловко, чем животные. Фаза манипуляции, по Миду, включает временную паузу в процессе, чтобы реакция не проявлялась немедленно. Голодный человек видит гриб, но перед тем как его съесть, он, вероятно, сначала его сорвет, исследует его и, возможно, проверит по справочнику, съедобна ли эта конкретная разновидность. С другой стороны, животное, вероятно, съест гриб, не подержав и не рассмотрев его (и, конечно, не прочитав о нем). Пауза, которую создает рассмотрение предмета, позволяет людям обдумывать разные варианты. В размышлениях о том, съесть ли гриб, включены и прошлое, и будущее. Люди могут подумать о своем прошлом опыте, когда они отравились несъедобными грибами, и могут подумать о болезни или даже о смерти, которые могут сопровождать употребление в пищу ядовитого гриба. Манипуляция грибом становится своего рода экспериментальным методом, с помощью которого актер мысленно проверяет различные гипотезы того, что могло бы случиться, если бы гриб был съеден.

На основе этих размышлений актер решает съесть ли гриб (или нет), и это составляет последнюю фазу поступка — потребление, или совершение действия, которое удовлетворяет первоначальный импульс. Как люди, так и животные могут съесть гриб, но менее вероятно, что человек съест плохой гриб, так как он обладает способностью манипулировать грибом и думать (и читать) о том, к чему приведет его потребление. Низшие животные должны полагаться на метод проб и ошибок, а это менее эффективный способ, чем человеческая способность обдумывать свои действия. В данной ситуации метод проб и ошибок довольно опасен. Как следствие, представляется вероятным, что животным больше угрожает опасность умереть от употребления ядовитых грибов, чем людям. Хотя четыре стадии действия были для простоты рассмотрены в последовательном порядке и отделены друг от друга, Мид усматривает между ними диалектическую связь. Джон Болдуин так выражает эту идею: «Хотя четыре элемента действия иногда кажутся линейно связанными, на самом деле они взаимопроникают друг в друга, образуя единый органичный процесс: от начала до конца действия присутствуют аспекты каждого элемента, так что элементы влияют друг на друга». Таким образом, более поздние этапы действия могут привести к появлению более ранних стадий. Например, обращение с пищей может вызвать у индивида импульс голода и ощущение, что он голоден и что пища доступна для удовлетворения этой потребности.

Жесты

Тогда как действие включает только одного человека, социальное действие включает двух и более людей. Жест, с точки зрения Миды, — основной механизм социального действия и социального процесса в целом.

Согласно его определению, «жесты есть движения первого организма, действующие в качестве особых стимулов, вызывающих социально принятые реакции второго организма».

И низшие животные, и люди способны производить жесты в том смысле, что действие одного индивида неосознанно и автоматически вызывает реакцию другого индивида. Ниже следует известный пример Мида о собачьей драке с точки зрения жестов.

Действие каждой собаки становится для другой собаки стимулом для реакции. Сам факт, что собака готова напасть на другую, становится для другой собаки стимулом изменить свою собственную позицию и свое собственное отношение. Она сделает это не скорее, чем изменение отношения второй собакой, в свою очередь, вызовет изменения отношения со стороны первой собаки.

Мид называет происходящее в данной ситуации «разговором жестов». Жест одной собаки автоматически вызывает жест второй; со стороны собак не происходит никаких мыслительных процессов.

Самость

Большая часть всех размышлений Мида, особенно о разуме, включает его воззрения на весьма важное понятие самости. В сущности, это способность видеть себя как объект.

Самость есть особая способность быть одновременно субъектом и объектом. Самость, что справедливо относительно всех основных понятий Мида, предполагает социальный процесс: коммуникацию между людьми. Низшие животные самостью не обладают, равно как и человеческий младенец при рождении. Самость возникает с развитием и посредством социальной деятельности и социальных отношений. Для Мида невозможно представить возникновение самости в отсутствии социального опыта. Но как только самость в достаточной степени развилась, она может продолжить существовать и без социальных контактов. Так Робинзон Крузо приобрел самость, находясь в условиях цивилизации, и продолжал обладать ею, живя в одиночестве на необитаемом, как он некоторое время считал, острове. Другими словами, он сохранял способность видеть себя в качестве объекта. Когда самость сформирована, люди обычно, хотя и не всегда, проявляют ее. Самость диалектически связана с разумом. То есть, с одной стороны, Мид утверждает, что тело не есть самость и становится самостью лишь с развитием разума. С другой стороны, самость и ее рефлексивность существенны для развития разума. Конечно, невозможно разделять разум и самость, потому что самость представляет собой мыслительный процесс.

Самость также позволяет людям участвовать в разговорах с другими. То есть человек осознает, что говорит, и, как следствие, способен отслеживать, что произносится в данный момент, и определять, что будет сказано далее. Чтобы обладать самостью, индивиды должны быть способны выйти за границы собственного «Я», благодаря чему смогут оценивать себя, и становиться объектами для самих себя.

Развитие ребенка

Мида чрезвычайно интересует генезис самости. Основой для самости он считает разговор жестов, но в нем не присутствует самость, если люди в таком разговоре не рассматривают себя как объекты. Мид прослеживает генезис самости на двух этапах развития ребенка.

Первый этап — это стадия ролевых игр. Именно на этом этапе дети учатся примерять отношения отдельных других людей к себе на себя. Хотя низшие животные тоже играют, только люди «играют, изображая другого».

Вторая стадия — стадия коллективных игр. Если человек развивает самость в полном смысле слова, требуется перейти к следующему этапу. Тогда как на стадии ролевых игр ребенок принимает роль определенных других, на стадии коллективных игр ребенок должен принимать роль каждого, участвующего в игре.

Обобщенный другой

Понятие стадии коллективных игр порождает одну из наиболее известных концепций Мида – идею обобщенного другого.

Обобщенный другой – это отношение целого сообщества или, как в примере игры в бейсбол, отношение целой команды. Для самости существенно важна способность принимать роль обобщенного другого.

«I» и «Me»

«I» – непосредственная реакция индивида на других.

Это не просчитываемый, непредсказуемый и творческий аспект идентичности. Люди заранее не знают, каково будет действие. «I» придает теоретической системе Мида некоторую необходимую динамику и креативность. Без этого над актерами Мида целиком преобладал бы внешний и внутренний контроль. А используя это понятие, Мид может рассматривать изменения, вызываемые не только великими личностями в истории (например Эйнштейном), но также индивидами на повседневном уровне. Именно «I» делает возможными эти изменения.

Уникальность в систему Мида также привносится с помощью биографического формирования «I» и «Me». То есть специфические требования жизни каждого человека наделяют его уникальным соотношением «I» и «Me». «I» противодействует «Me», которое является «организованным набором установок других, принимаемым человеком для себя». Другими словами, принятие обобщенного другого. В отличие от «I», люди осознают «Me». Именно она включает осознанную ответственность.